

**ЭКСТРАЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ
И НОВЫЕ ЯЗЫКОВЫЕ ЯВЛЕНИЯ**

(на материале эрзянских диалектов Заволжья и Южного Урала)¹

Агафонова Нина Афанасьевна, кандидат филологических наук, Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва, 430005, Россия, г. Саранск, ул. Большевикская, 68.

Девяткина Екатерина Михайловна, кандидат филологических наук, научный сотрудник Сектора финно-угорских языков, Институт языкознания РАН, 125009, Россия, г. Москва, Б. Кисловский пер., д. 1, стр. 1, e-mail: devyatkinaem@gmail.com.

Статья посвящена анализу лексических и морфологических заимствований в диалектах Заволжья и Южного Урала эрзянского языка. В исследуемых диалектах многочисленны заимствования из русского языка. Зачастую заимствуется лексика не только для обозначения новых понятий, но и для замены исконных лексических единиц. Под влиянием русского языка в грамматическом строе наблюдается разрушение агглютинации, что можно четко проследить как в системе словоизменения имен, так и в системе категориальных форм наклонения глагола.

Ключевые слова: мордовские языки, эрзянский язык, лексика, морфология, заимствования

**EXTRALINGUISTIC FACTORS AND NEW LANGUAGE
PHENOMENA IN ERZ'A DIALECTS
OF THE VOLGA REGION AND THE SOUTHERN URALS**

Agafonova Nina A., candidate of philology, Ogarev Mordovia State University, 430005, Russia, Saransk, 68, Bolshevistskaya St.

Devyatkina Ekaterina M., candidate of philology, research worker, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, 125009, Russia, Moscow, 1 Bolshoy Kislovskiy per., e-mail: devyatkinaem@gmail.com.

The paper analyzes lexical and morphological borrowings in Erz'a dialects of the Volga region and the Southern Urals. There are numerous lexical and morphological borrowings from the Russian language in the dialects. Lexical units are often borrowed not only for the designation of new concepts, but also for the replacement of native lexical units. Under the influence of the Russian language the destruction of agglutination is observed in the grammatical system. This phenomenon can be seen in the declension system, and in the system of mood forms.

Keywords: the Mordvin languages, the Erz'a language, vocabulary, morphology, borrowings

Проблема языковых контактов своей актуальностью и важностью привлекала и привлекает внимание многих исследователей. Понятие «языковые контакты» трактуется исследователями по-разному. По мнению П.Н. Лизанца, при определении языковых контактов большее внимание следует уделять внесязыковым факторам (экономическому и политическому укладу, религии, материальной и духовной культуре,

¹ Работа выполнена в рамках проекта РГНФ № 12-04-00269а.

истории, этнографии, психическому укладу и другим факторам), ибо они в значительной степени стимулируют процесс языковых контактов [1, с. 43].

Исторически сложилось так, что мордва живет дисперсно. Среди диалектов мордовских языков эрзянские диалекты Заволжья и Южного Урала занимают особое место. Их формированию способствовала миграция мордвы с прежних мест жительства ещё с конца XVI века. Мокша и эрзя Заволжья и Южного Урала на протяжении нескольких столетий проживают отдельными «островками» среди русских, татар, чувашей, башкир и удмуртов, испытывая устойчивое, интенсивное и мощное влияние соседей. Однако ход взаимодействия языков определяется статусом контактирующих языков, то есть тем, какой из них на данном этапе является государственным, господствующим. Так, привилегированное положение русского языка определило характер взаимовлияния мордовских и русского языков. Хотя мордовское население исторически находилось и находится в непосредственных отношениях с чувашами, татарами, башкирами, удмуртами, их языки не оказали заметного влияния на развитие мордовских языков и их диалекты.

Займствования из русского языка в анализируемых диалектах и говорах многочисленны. Они наблюдаются даже в тех случаях, когда в этом нет настоящей необходимости, поскольку имеются исконные слова или словоформы, тождественные по значению. Зачастую заимствуются слова не только для обозначения новых понятий, но и для замены исконных лексических единиц устойчивого фонда. Сравните: эрз. диал. *řiba* (вм. лит. *kal*) 'рыба', эрз. диал. *kožejka, kōžika* (вм. лит. *hi*) 'жена', эрз. диал. *gošt* (вм. лит. *inže*) 'гость', эрз. диал. *dumams* (вм. лит. *aršems*) 'думать', эрз. диал. *grēca* (вм. лит. *lukša, likša*) 'гречка', эрз. диал. *žvezda* (вм. лит. *tešće*) 'звезда', эрз. диал. *most* (вм. лит. *sed, sād*) 'мост', эрз. диал. *ožora* (вм. лит. *erke*) 'озеро', эрз. диал. *tuća* (вм. лит. *pel*) 'туча', эрз. диал. *muravl'a* (вм. лит. *kotkodav, kotkudav*) 'муравей', эрз. диал. *jabluk* (вм. лит. *umař*) 'яблоко', эрз. диал. *lopata* (вм. лит. *kojme*) 'лопата', эрз. диал. *načīnams, zavodams* (вм. лит. *karmams, ušodoms, kundams*) 'начать', эрз. диал. *v'iučams* (вм. лит. *tonavtñems*) 'учиться', эрз. диал. *grud'* (вм. лит. *mešt'e*) 'грудь', эрз. диал. *kol'inka* (вм. лит. *kumaža*) 'колено', эрз. диал. *slaboj* (вм. лит. *lavšo*) 'слабый' и т.д.

Довольно часто русские заимствования полностью вытесняют эрзянские слова, например: диал. *devka* (вм. лит. *tejtēr*) 'девушка', диал. *devkiñe* (вм. лит. *tejtērka, tejtērñe*) 'девочка', диал. *grēže* (вм. лит. *rudaz*) 'грязь, грязный', диал. *bolšet* (вм. лит. *lamo*) 'много', диал. *mal'ina* (вм. лит. *iñzej*) 'малина', диал. *řema* (вм. лит. *ška*) 'время', диал. *v'ilat* (вм. лит. *šango*) 'вилы' и т.д.

Вместо эрзянских или мокшанских числительных широко употребительны русские числительные, особенно начиная с одиннадцати: *sto dva godaso katfat v'id'an* 'В сто два года сажаю картошку' (Подстёпки); *trīsta trīcat' čotīře za dva mesca gazuñt kis pandiñ* 'Триста тридцать четыре рубля за газ за два месяца заплатила' (Лопатино); *koda šesnacat'i let načiniñ i čela p'ing'e robutiñ* 'Как с шестнадцати лет начала и целую жизнь работала' (Нов. Сулли); *n'ed'el'i dv'e karmat t'ese* 'недели две будешь здесь' (Шилан).

В ряде случаев русские слова, проникшие в говоры, не всегда и не без борьбы вытесняют соответствующие слова родного языка. Они в течение длительного периода сосуществуют параллельно. Однако наблюдения над лексикой смешанных диалектов и говоров Заволжья и Южного Урала показывают, что зачастую родное слово постепенно сокращается в употреблении, исчезая из речи даже населения среднего возраста, и ограничивается обиходным языком старшего поколения.

Нужно сказать, что заимствованное слово нередко передаётся в исследуемых диалектах и говорах не по правилам мордовской грамматики. Так, например:

1) эрзянский транслатив часто передаётся русским творительным падежом, сравните: *moñ čoram robuti traktoristom* (вместо *traktoristeks*) 'Мой сын (букв.: мой сын-мой) работает трактористом' (Чув. Урметьево); *son ul'heš kombajñorom* (вместо *kombajñoroks*) 'Он был комбайнером' (Эштебенкино); *koñuhom robutaš k'em'eñška ije* (вместо *koñuhoks*) 'Конюхом работал около десяти лет' (Нов. Сулли);

2) значение падежа инессива передаётся русским предложным падежом: – *koso robuti?* – *v ohrāne* (вместо *ohranaso*) ‘– Где работает? – В охране’ (Сиделькино); *koda šem klasovoñt’ p’radijať robutiñ f kolhože* (вместо *kolhozso* или *kolhojse*) ‘Как закончила семь классов, работала в колхозе’ (Пронькино);

3) вместо мордовского послелога употребляется русский предлог, сравните: *siñ užal’at pařše aňsak e’rašt ot ěftaňnikov* (вместо *ěftaňnikheñ kuvalt* ‘из-за нефтяников’, или *ěftaňnikheñ marta* ‘с нефтяниками’, или *ěftaňnikheñ p’ingste* ‘при нефтяниках’) ‘Они в Старых Узелях хорошо жили только за счёт нефтяников’ (Бестужевка); *jak’iñ po puťovkam jaltav* (вместо *put’ovka marto* ‘с путёвкой’) ‘Ездила по путёвке в Ялту’ (Григорьевка).

Под влиянием русского языка в грамматическом строе описываемых диалектов наблюдается разрушение агглютинации, возникают нестандартные суффиксы, суффиксы-синонимы, появляется тенденция замены суффиксальных форм аналитическими конструкциями, прямое калькирование русских форм, что можно чётко проследить как в системе словоизменения имён, так и в системе категориальных форм наклонения глагола.

В мордовских языках различают семь наклонений глагола: индикатив, императив, оптатив, конъюнктив, кондиционал, кондиционал-конъюнктив и деизидератив. Все они имеют своё грамматическое значение, морфологическое выражение и особенности употребления. В эрзянских диалектах Заволжья и Южного Урала не везде в одинаковой степени представлены глагольные наклонения, образованные суффиксальным способом и имеющие соответствующие морфологические маркеры. Больше других русскому влиянию подверглись оптатив, конъюнктив, кондиционал, кондиционал-конъюнктив и деизидератив.

Оптатив, или побудительное наклонение, выражает опосредованное или косвенное повеление, или побуждение лица к совершению действия, передаваемое при посредстве собеседника. По сравнению с императивом это повеление менее категорично. В эрзянском языке оптатив образуется от основы инфинитива плюс суффикс оптатива *-z-*, плюс суффикс соответствующего лица-субъекта, например: *vanoms* ‘смотреть’ – *vano-z-a-n* ‘пусть я смотрю’.

Значение оптатива в анализируемых диалектах в основном передаётся аналитически: частица *kadik* ‘пусть’ плюс основная глагольная форма 3 л. единственного числа настоящего времени, сравните диал.: *kadik si* (вм. *sazo*) ‘пусть придёт’; *kadik išt’a a tejni* (вм. *a tejněze*) ‘пусть так не делает’; *kadik kučcä* (вм. *kučozo*) ‘пусть отправит’; *kadik son ojm’iši* (вм. *ojmšeze*) ‘пусть отдыхает’; *kadik panžä* (вм. *panžozo*) ‘пусть открывает’.

В говорах сёл Кирюшкино, Старые Узели, Верхнее Павлушкино Бугурусланского района, Аксёнкино, Кабаевка, Михайловка, Старое Борискино, Старое Домосейкино Северного района Оренбургской области зафиксированы как собственно мордовские синтетические формы оптатива типа *kasozo pravnučkaškak* ‘Пусть растёт и правнучка (букв. правнучка та так же)’ (Кирюшкино); *sajize kšijak* ‘Пусть возьмёт и хлеб’; *pañeze p’akat* ‘Пусть испечёт пироги’ (Аксёнкино), так и аналитические формы с частицей *kadik* ‘пусть’, зачастую сохраняя при этом и собственно мордовский морфологический маркер *-z-*, сравните: *kadik p’id’esazo* и *kadik p’id’ese* (*p’id’e-ms* ‘варить’) ‘Пусть она сварит’; *kadik lišeze son ušuv* и *kadik liši son ušuv* (*liše-ms* ‘выходить’) ‘Пусть выйдет он на улицу’; *kadik k’ep’ed’eze čark’iñe kanža* и *kadik k’ep’ed’i čark’iñe kanža* (*k’ep’ed’e-ms* ‘поднимать’) ‘Пусть поднимет чарочку самогонки’ (Кирюшкино).

Негативные формы оптатива образуются от спрягаемой формы негативного глагола *i’p’a* в оптативе плюс основа инфинитива соответствующего глагола, например: *i’p’a-z-a-n sa* ‘Пусть я не приду’ (*sa-ms* ‘приходить’), *i’p’a-z-a-t kadi* ‘Пусть ты не оставишь’ (*kadi-ms* ‘оставлять’), *i’p’a-z-o šim’i* ‘Пусть он не пьёт’ (*šim’i-ms* ‘пить’).

Конъюнктив, или сослагательное наклонение, выражает нереальное, но мыслимое действие, осуществление которого зависит от каких-либо условий или от чьего-либо желания. В мордовских языках глагольные словоформы конъюнктива по

своим формальным признакам близки к формам второго прошедшего времени индикатива, но могут называть нереальные действия не только в прошедшем, но и в настоящем и будущем времени.

В эрзянских диалектах исследуемого ареала мордовские первичные суффиксальные образования конъюнктива, образующиеся при помощи морфологического реляционного суффикса *-vol' / -v'eļ', -vl/-vl' -ļe, -ļ'*, осложняются заимствованной из русского языка частицей *bi, bu* 'бы': *mon tonavtuv'it' bu* 'Я научил бы тебя' (Вышелей); *šnal'it' bi sinst tet t'af'inksa* 'Мы похвалили бы их за эти дела' (Подстёпки); *kadil'it' bu t'esk* 'Оставил бы я тебя здесь'; *moñtem'eñ ara son ramal' bu mašina* 'Без меня разве он купил бы машину' (Пазелки); *maksiñit' bi v'aša* 'Мы отдали бы всё' (Аксёнкино) и т.д.

Кондиционал, или условное наклонение, в мордовских языках называется предполагаемое в будущем действие, от которого зависит осуществление другого действия. Основой для образования форм кондиционала является форма 1-го лица единственного числа I-го прошедшего времени + суффикс кондиционала *-d'er'*, восходящего к самостоятельному слову *t'er'avtoms* 'попробовать' + суффикс настоящего будущего времени *-a* + соответствующий суффикс лица: *tuin'-d'er'-a-n* 'Если я уйду'; *sovin'-d'er'-a-t* 'Если ты зайдёшь'; *karmin'-d'er'-a-j* 'Если он будет'; *s'ormadin'-d'er'-a-tano* 'Если мы напишем'; *morin'-d'er'-a-jt'* 'Если они споют (поют)'.

Значение кондиционала в говорах сёл Старое Борискино, Старое Домосейкино, Солалейка, Аксёнкино Северного района, Кирюшкино, Верхнее и Нижнее Павлушкино, Старые Узели Бугурусланского района Оренбургской области передаётся также при помощи суффикса *-d'er'*: *karm'in'd'er'an kudoso sak m'ineñek* 'Если я буду дома, приходи к нам'; *lovniñd'er'asa a stuvca* 'Если я это прочитаю, не забуду'; *ž'iv ul'and'er'a šoks'ha bozas tikvat p'ican* 'Если я буду жива, осенью наварю тыквы на квас' (Кирюшкино). В говоре с. Кирюшкино нами зафиксированы также первичные синтетические формы кондиционала, осложнённые русским союзом *eš'pi* 'если': *ješ'pi leciž'd'er'a siñ moñe tikšeñt' kandan tenst alamoñ alamoñ kanža* 'Если скосят они мне сено, поднесу им чуть-чуть самогонки'; *eš'pi maksand'er'a jarmak ramat šel'm'eñ kaplat* 'Если я дам тебе деньги, купишь глазные капли?'; *ješ'pi led'd'er'a m'eñle vad'ñivat* 'Если стрельнёт (банка с дрожжами – А.Н.А.), потом испачкаешься' (Кирюшкино). В данных примерах условность действия выражена дважды: при помощи суффикса *-d'er'* и при помощи союза *eš'pi*. Особенностью говора с. Кирюшкино является то, что суффикс лица стоит не в конце словоформы после суффикса кондиционала *-d'er'*, а перед этим суффиксом. Преимущественно же значение кондиционала в исследуемом ареале передаётся эквивалентными по значению придаточными предложениями, вводимыми в состав сложного с помощью русских союзов *ješ'pi* 'если', *but'i / bi'i* 'будто', диал. *koli* 'коли': *ješ'pi karm'it' kudisa suvatan test* 'Если будут дома, зайдём к ним' (Ст. Борискино); *koli a ancamak to mon tujan* 'Если не накормишь, то я уйду' (Вышелей); *ješ'pi molat v'iru suvak moñ g'ise* 'Если пойдёшь в лес, зайди за мной' (Солалей); *karavlasak ješ'pi sonde karmat šupav* 'Если посторожишь его, будешь богатым' (Нов. Сулли).

Кондиционал-конъюнктив выражает нереальное действие, которое мыслится условием для другого нереального действия в прошлом. Это наклонение имеет только формы прошедшего времени. В эрзянском литературном языке кондиционал-конъюнктив образуется от основы 1-го л. прошедшего времени плюс суффикс кондиционала *-d'er'* + суффикс конъюнктива *-vol' / -vel', -vl'-* + суффикс *-i-* 1-го прошедшего времени + суффикс соответствующего лица (1-ое, 2-ое л. ед. и мн. ч.), например: *sain'-d'er'-a-vl'-i-n* (саемс 'брат, взять') 'Если бы я взяла'.

В исследуемых диалектах и говорах кондиционал-конъюнктив образуется при помощи русских союзов *ješ'pi* 'если', частицы *bi / bu* 'бы' + соответствующая глагольная форма с суффиксом конъюнктива, который соответствует мокшанскому суффиксу и который омонимичен второму прошедшему времени: *ješ'pi bu ton za'it' isak moli'tiñek v'irej* 'Если бы ты пришёл вчера, сходили бы в лес' (Павлушкино); *ješ'pi bi jofta'it' moñe monga moli'Pin* 'Если бы сказала мне, и я бы пошла' (Ср. Кармала); *ješ'pi*

varštaŋin' bi av'il' iŋla moŋ maŋtiŋim'iz 'Если бы я посмотрела не так, меня бы они убили' (Ст. Домосейкино); *jeŋŋi bu son saŋ mon bu tuŋin'* 'Если бы он пришёл, то я бы ушла' (Пронькино); *m'erevŋit'deŋa mon savŋin'* (эрз. лит. *mer'in'-d'er'-a-vl'-i-t'*) 'Если бы ты мне сказала, я бы пришёл' (Кирюшкино).

Дезидератив, или желательное наклонение, передаёт желаемое, но не исполненное действие. Это наклонение реализуется только в прошедшем времени. В эрзянском литературном языке дезидератив образуется от формы 3-го л. единственного числа настоящего-будущего времени + *-ks-* (суффикс дезидератива) + *-e-* (интерфикс, который в последнее время некоторые исследователи считают элементом суффикса дезидератива) + *-l'* (суффикс II-го прошедшего времени) + *-i-* (интерфикс) + суффикс соответствующего лица (*-ŋi, -t', -l' -ŋek, -de, -lt'*), например: *mol'i-ks-e-l'-i-ŋi* 'Я хотел пойти'.

В исследуемом ареале значение дезидератива передаётся при помощи русских слов *hat'el* 'хотеть', *sm'ek'i-* 'сметнуть', *naŋini-* 'начинать', *zavod'i-* 'заводить' (*-ŋi, -t', -ŋi, -ŋek, -nk, -ŋt'*) + инфинитив, оканчивающийся на суффикс *-ma, -mo, -me* основного глагола: *sm'ek'iŋ mol'm'e* (вместо. *mol'iksel'iŋ*) 'Хотел я сходить', *zavod'iŋ kundama* (вместо. *kundiksel'iŋ*) 'Хотел ты поймать', *hatel p'idem'e* (вместо. *p'idiksel*) 'Хотел сварить' и т.д.

Есть говоры, например, говоры сёл Старое Домосейкино, Старое Борискино, Солалей, Аксёнкино, Кабаевка Северного р-на, Кирюшкино Бугурусланского р-на Оренбургской области, где дезидератив может выражаться как аналитически, так и синтетически, сравните: *p'idiksel'iŋ – hatel p'idem'a* 'Я хотел сварить', *mol'iksel'iŋ – hatel mol'm'e* 'Ты хотел сходить'.

Формы наклонений испытывают русское воздействие неодинаково. Одни, сохранив суффиксальное оформление и присоединив к себе вспомогательные слова, трансформируются в аналитические, другие заменяются описательными образованиями типа русских придаточных предложений с союзами.

В заключение следует сказать, что язык представляет собой открытую самоорганизующуюся систему. Современная дифференциация мордовских диалектов Заволжья и Южного Урала сложилась в результате длительного исторического развития. Специфика их формирования определяется сложным взаимодействием ряда внутренних и внешних факторов. Основным из внешних факторов является русское влияние. Многовековые контакты мордвы с русскими оказали наиболее сильное влияние на лексику мордовских диалектов. Вследствие этого в мордовские языки проникли сотни русских заимствований, некоторые из них были адаптированы и освоены путём семантического и синтаксического калькирования. Среди последних немало полукалек, представляющих собой сложные и составные лексемы (мордовско-русские, русско-мордовские образования). Большинство заимствований настолько укрепились, что соответствующие эквиваленты родного языка почти не употребляются, а заимствования не воспринимаются как нечто иноязычное.

Список литературы

1. Лизанец П. Н. Некоторые теоретические вопросы взаимодействия языков / П. Н. Лизанец // Исследование финно-угорских языков и литератур в их взаимосвязях с языками и литературами народов СССР : тез. докл. Всесоюз. науч. совещания финно-угроведов. – Ужгород, 1977. – С. 42–45.

References

1. Lizanets P. N. Nekotorye teoreticheskie voprosy vzaimodejstvija jazykov [Some theoretical questions of languages interaction]. Issledovanie finno-ugorskih jazykov i literatur v ih vzaimosvjazjah s jazykami i literaturami narodov SSSR. Uzhgorod, 1977, pp. 42–45. (in Russ.)